

«Великая радость — быть собеседником Владимира Николаевича Крупина, очевидцем его писательских буден и праздников, тревог и радостей, заслуживаться, наслаждаться его образным языком», — говорит Инна Воронова (Воскобойникова), биограф известного писателя. Сейчас она работает над книгой о Владимире Крупине «Вятский жаворонок». В эту книгу войдёт и эта, уже вторая по счёту, беседа-интервью с замечательным русским писателем, первым лауреатом Патриаршей литературной премии (2011 год) Владимиром Крупиным.

ЖИЗНЬ НА ЗЕМЛЕ — ШКОЛА ПРОСТОТЫ

— Владимир Николаевич, если бы была чудесная возможность вернуться на время назад, в какой уголок своего прошлого вы бы заглянули? Какой бы эпизод повторили?

— О, я бы ещё у этой «машины времени» вертолёт попросил и за десять минут пролетел бы и над своим селом, и от него слетал бы во все стороны света, где все дороги и тропинки исходил: к реке детства, на наши заречные луга, в леса, куда ходили за ягодами-грибами, увидел бы знакомые деревни, поля — о, если бы! Озарилось бы в памяти души счастье сенокоса, костры и купания, песни и танцы наших вечеров.

Но это счастье могло бы повториться только в случае, если я полечу и *в том времени, и над теми* деревнями. А если сейчас, то лучше не надо: это одно горе — смотреть сейчас на мою родину: умирают деревни, а то их вовсе нет, обмелели речки, высохли пруды, задирали поля, вырублены леса...

Но такая «машина времени» есть — она во мне, и не на десять минут, а даже и на часы воспоминаний. Она сама по себе включается, когда мне тяжело, и время моего детства приходит ко мне, как спасательный круг к тонущему.

— **«Настоящее богатство, которым ты действительно сможешь обеспечить жизнь своего ребёнка, — это богатство простоты. Истинное сокровище — это простота: простая душа, простые мысли, простая жизнь, простое поведение. Пусть твой ребёнок научится у тебя жить спокойно и мирно»,** — эти слова принадлежат архимандриту Андрею (Конаносу).

Вы педагог, тонко чувствуете деток, может, подскажите, Владимир Николаевич, как в век компьютерных технологий научить деток этой простоте, чтобы они от малого были счастливы?

— Меня бы кто научил! Сапожник без сапог — вот кто я. Других детей учу, своих не получается. Уже и не пытаюсь, только молюсь, полагаюсь на милость Божию. Но меня-то кто учил? Велико из великих счастье, что я родился именно у своих мамы и папы. Но ведь и мои дети тоже от мамы и папы. Да, так, но мои-то мама и папа — люди от земли. От леса и реки, от поля и огорода. Из православных семей. Счастье, что телевизор увидел я только в девятнадцать лет в армии. Что знал уже к тому времени, как достаётся хлеб, как зарабатывается каждая копейка, испытал бедность. Научился дорожить семьёй, друзьями. Такого наследникам моим не досталось. Мы с женой растили их на московском асфальте. Ни дачи, никакого даже крохотного участка земли, кроме цветков на подоконнике. Ни собачки во дворе, ни самого двора, ни русской печи. Ни коровки в хлеву, ни пения петухов. Ни радостей сенокоса, ни рыбной ловли. Ни купания в реке, воду которой пили мы в любом месте, и вода эта была целебная. Замков не помню. Зимние снега, метели, бураны, летние ливни и грозы — разве это может быть в Москве? То есть моё ощущение родины, трудов на земле не могло привиться моим детям и внукам. На пальцах понятие родины не объяснишь. Оно в примере жизни. А в Москве какой пример я мог подать? Книги вслух читал? О жизни русской? А жизнью жил не русской, оторванной от земли. Они хорошие, мои дети и внуки, умные, красивые, но они опылялись жизнью во многом искусственной, обеспеченной. Вот папа-мама, вот магазин. И всё есть, и всё доступно. Вот папы-мамины карманы, вот покупки. А это самая питательная среда для выращивания эгоистов.

Так что же, что я могу подсказать? Горожане, заводите обязательно хотя бы маленькие дачки, если уж нет возможности совсем переехать в сельскую местность, так скорее защитите детей от соблазнов мира сего. Жизнь на земле — вот школа простоты. Да, и ещё. Чем больше детей в семье, тем легче их растить. И тем дешевле даже. И — главное — Православная Церковь!

«Я УЧИЛСЯ У СВОИХ СТУДЕНТОВ...»

— **Вы преподавали в Московской Духовной Академии. Я встречала ваших выпускников, они уже давно служат на приходах, есть среди них даже Архипастыри. И воспоминания о ваших лекциях у них самые светлые! А какие воспоминания остались у вас?**

— Да, преподавал. И самому не верится. Только что был в Лавре, а в Академию зайти постеснялся. Будто эти годы преподавания были не со мною, но ведь были же! И не просто многое дали мне, а осветили и освятили мою жизнь. Не я студентов учил, а сам у них учился. Одна лекция в неделю (чаще среда), и начинал к ней готовиться уже с четверга. Великая для меня школа. Робел, входя в аудиторию. Вставали. Дежурный читал «Царю Небесный», докладывал об отсутствующих. А однажды они — а это человек 30–40 — эту молитву грянули всем хором. После лекции пришёл в профессорскую, спросил преподавателей, почему так. Всегда читали, а тут запели. «Это вы им понравились». Так или не так, но эти годы очень меня вырастили и в умственном, и в духовном смысле. Я преподавал курс Православной педагогики, но ассистировал и на предметах «История Церкви», «Христианство и литература». Незабываемая библиотека Академии, её ангелицы Лидия Ивановна и Вера Николаевна, тишина её залов, накопленные веками книжные духовные богатства. Меня даже допускали в фонды...

В полшестого утра открывается метро, бежишь на первый поезд до станции Комсомольской, до Ярославского вокзала, на электричку до Сергиева Посада. В дороге

утреннее молитвенное правило, акафист Преподобному Сергию. От платформы через Блинную горку — в Лавру, к раке с мощами Преподобного Сергия. Потом в Академию на завтрак. Ходил на лекции и к Алексею Ильичу Осипову, и к Владимиру Александровичу Юдину, и к Михаилу Михайловичу Дунаеву. Учился у них. Но всё равно плохо научился, читал свои лекции торопливо. Правда, когда чувствовал, что не дошло до студентов, то возвращался к началу и повторял. Но уже по-новому.

Владимир Николаевич Крупин с супругой Надеждой Леонидовной

Студентов всегда любил и жалел. На экзамене по истории Церкви пытался вытянуть «тонущего» студента и задал ему простейший (для Академии) вопрос: «Какие главные вопросы обсуждал Стоглавый собор?» Преподаватель Владимир Александрович, которого студенты боялись до трепета, но и уважали, сказал мне при них: «Владимир Николаевич, не портите мне студентов иллюзией лёгкости получения образования. У нас не Оксфорд: верховой езде и гольфу не учим».

Студенты мои преподавали в воскресных школах, ходил и с ними. И видел, как мало нужной литературы было тогда для детей. Оттуда начались мои книги о святых местах Православия (я уже летал на Ближний Восток), о святых, о путях воцерковления...

Конечно, каждую неделю причащался. И незабываемая Среда Акафиста в Покровском храме Академии. Три хора: справа, слева, сверху. Но рассказать не получится, надо хотя бы раз на этой Среде побывать.

В семинарию ходил за хлебом. Дома всегда его ждали. Брал два хлеба. Один привозил целиком, другой мог и не привезти — раздавал нищим. Тогдашние нищие были хлебу рады, теперешним деньги давай. Хотя просят «на хлеб». Не осуждаю. Да, Академия, Академия, Лавра!

«ЖИВУ В ПРОСТРАНСТВЕ СВОИХ НЕНАПИСАННЫХ КНИГ...»

— **Чего же больше в вашей профессии писателя: радостей или огорчений?**

— Конечно, огорчений. И даже полное разочарование в профессии. А ничего другого делать уже не могу. И как, и кто уловил меня мечтой о писательстве? Казалось тогда: вот осчастливорю мир. Писал: «Отец, я сделаю то, что ты не успел свершить». Оказалось обещание болтовнёй — не только не свершил, а при моей жизни мир стал только хуже. И от сына не жду, что он запряжётся в те же оглобли, что и мы с отцом и дедом, нет, другие поколения идут за нами. Ничего им наше святое не свято. Понятия родины, подвига, родной земли у них размыты. Вот с таким горем в душе как доживать?

— **Думаю, вы преувеличиваете.**

— Хорошо бы. Другие понятия ворвались в умы и сердца. И я, говоря о совете, к кому зываю? К одному из десяти? Из ста! Много раз, выступая, ловил на себе

недоверчивые, иногда просто враждебные взгляды... «Мы вам верим, — сказала недавно одна мама, — но сейчас всё другое, и так, как вы раньше жили, никто уже не живёт. И не делайте наших детей несчастными».

— **А я помню совсем другие встречи читателей с вами...**

— И я помню, и благодарен за них. Но это почти всегда были деточки до класса четвёртого-пятого. А дальше им головы задурут зубоскальство интернета. И развлекуха телевизора. И нерусские ритмы песен и мелодий по радио. Уходит из России и наша музыка. Музыка, слово — ведь это фундамент нации. Его из-под нас вырывают. Мы шатаемся и, не приведи Бог, рухнем.

*Родители писателя Владимира Крупина
Варвара Семеновна и Николай Яковлевич в год свадьбы.*

— **Ни за что!**

— Да ведь и я не хочу верить в плохой исход. Нет! Но лучше преувеличить опасность, нежели недооценить её. Будем верить в лучшее. Ничего другого не остаётся. С нами Крестная сила!

— **Но как же всё-таки возвращать в молодёжи любовь к родной культуре?**

— Знаете, иногда бывает наоборот: мнения иностранцев о нашей культуре, о нашей истории влияют сильнее, чем все наши самые правильные слова. Например, у женской половины великий авторитет Коко Шанель, все её знают — это знаменитая диктаторша моды в одежде и запахах. И вот нашёл у неё высказывания. Цитирую: «Русские очаровали меня... Русские подобны природе, они никогда не бывают вульгарны».

А вот её слова об Америке: «Америка пропащая страна, там ценят только комфорт». Или о Франции: «В Париже каждый пробивается с помощью локтей». А вот это выражение самое восхитительное: «Если человек любит деньги, значит, он болен».

Замечал, что на женщин эти высказывания действуют. А Айседора Дункан? Как она клеймила американцев. Легко найти. Так что «гран мерси» этим дамам.

— **Как у вас появляется замысел новой книги?**

— Не знаю, как у других, а у меня во многом из чувства протеста, из желания противостоять оскорблению нравственного чувства.

Повесть «И вот приходит мне повестка» стал писать после того, как увидел журналистов одного телеканала, которые вместе с юристами учили молодёжь, как «закопать» от армии. Всё во мне возмутилось: я вспомнил, как мы рвались в армию, каким святым для нас было звание защитника Отечества!

Повесть «Люби меня, как я тебя» создавалась как протест против оскорбления понятия любви, превращения её в партнёрство, в средство для достижения материальных выгод. «А вы изменяли мужу? — допрашивает ведущая участницу шоу, — нет? Ну что вы такая отсталая? Изменяйте непременно, это очень освежает жизнь». Сразу сел писать свой ответ на это растление...

Но раньше ещё были повести «В Дымковской слободе» и «Большая жизнь маленького Ванечки». Они против «поттеризации» и «покемонства» детства, они защищают семью, в которой любовь и согласие традиционно русские, православные.

Повести мне ещё дороги и потому, что я писал их после тяжёлых операций, и они лечили меня лучше всяких лекарств.

...Как же безжалостно обокрали все эти «гаджеты» нынешних детей! Куцые электронные игры, развращающие компьютерные сайты, примеры из книг и фильмов, где нечистая сила машет хвостом на каждой странице, страх перед улицей, постоянное несчастье от невозможности быть с родителями не десять минут в день, отсутствие в детстве реки, леса, домашних животных, возможности приучиться к ремёслам, замена всего этого синтетической жвачкой голубого экрана... как только ещё они держатся, дети, вырастают всё-таки порядочными людьми?

У меня было счастливейшее детство — я выросал без компьютера и телевизора, но было всё то главное, что входит в понятие Родины.

...А вообще-то я постоянно живу внутри пространства своих ещё не написанных произведений. О, какой я великий писатель моих ненаписанных рассказов и повестей, о!.. Никому так не написать, как они слагаются в моих душе и сердце. Но часто там же и остаются... Может быть, только ими и жив. Потому что понимаю, что начни я их записывать, они умрут на бумаге, и я вместе с ними.

— **Можете представить, что ваши книги никто не читает?**

— Представить можно, пережить нельзя.

— **Гоголь прекрасно шил, Даль, Чехов и Булгаков лечили людей, Пришвин был землестроителем... А у вас есть вторая профессия?**

— Нет, похвалиться нечем. Сельский мальчишка, я просто обязан был уметь и уметь строгать, пилить, косить, знать технику. Конечно, старший брат всё делал лучше меня, но не успел я чему-то от него научиться, как подпёр всё умеющий младший брат. Но скворечник, полку мог сделать. На токарном станке работал, на фрезерном. На тракторе, на комбайне. Всё потом в армии пригодилось. И БМП, и БТР, и танк водил.

Но более техники прилегало к сердцу крестьянство: кони, сенокос, осенние работы в колхозах. Всегда какие-то радостные: уборка картошки, теребление льна, труды на зерносушилке, много всего. И как-то особо не хотелось вникать в то, как подшить валенки, прибить подмётку, потому что всегда это делали братья. Но и лодырем не был, дрова всю зиму пилить-колоть, воду носить — всего доставалось. Но это и была жизнь, и ничего в ней не было «крепостного». Либералы в 1990-х пищали, что в советское время детей эксплуатировали. Так дети и выросли от такой «эксплуатации» закалёнными к жизненным невзгодам. Не на Болотную площадь бежали митинговать, а к трудам во славу Отечества.

И не надо о писательских трудах думать как о чём-то необыкновенном, таком, что даже оторваться от них и сходить за картошкой неприлично. Работа и работа. Ну да, специфика, ну да, не такой, как все. Да ведь и все не такие, как все.

«МНЕ СИЛЫ ДАЁТ СВЯТОЕ ПРИЧАСТИЕ...»

— **Вы всё время в дороге — или по московским улочкам, или по дорогам России... И ритм ваш таким остаётся уже на протяжении многих лет...**

— И сам, признаюсь, не могу понять, как же я позволил жизни так вот лихо закрутить меня, что приходится с годами не снижать, а только усиливать скорости жизни. Оно и хорошо: вроде и не стареешь, да оно же и плохо: совсем почти не работаешь. То есть если принимать за работу выступления, какие-то предисловия к чужим книгам, статьи — отклики на современность, то да, работаешь, и много. И это, получается, тоже дано мне Господом Богом, и это могу, и это нужно, но главное-то для меня,

несомненно, это писательство. Это и самое трудное, но это и самое любимое. Столько во мне задумок, столько на бумаге почеркушек, набросков (их друг мой художник называл забросками, «они же все забрасываются в будущую работу»), а где их воплощение в страницы и книги? Замыслы, заброски уже еле живы, они живые, но всё живое имеет сроки жизни — умирают, как рыбки, выброшенные на берег.

— **А когда отдыхаете?**

— Да никогда. К старости я стал быстрее бегать, чем в юности. И сразу предвижу вопрос: откуда беру силы? И сразу отвечаю: только с Божией помощью. Только! Никаких спецпитаний, упражнений. Вспомните монахов — по сто лет жили, питание: хлеб и овощи. Они физзарядку не делали. Смешно представить схимника, который, помолясь, начинает махать руками-ногами, приседать, отжиматься, вращать туловищем. Не представляете? И я не представляю.

Великую силу даёт Святое Причастие. Вот и молюсь вслед за святыми отцами: «Даруй ми, Господи, чистою совестью даже до последнего моего издыхания достойно причащаться святынь Твоих, по оставление грехов и в жизнь вечную».

Из молитвы понятно, что источник силы и святости подаётся тому, кто приходит к нему с чистою совестью и причащается достойно. О себе сказать ничего не могу, ибо грешен, и весьма грешен. Но надеюсь на несказанную милость Божию.

— **Ваше любимое время года? Любимое время суток, кроме утра, конечно. Ведь то, что вы «вятский жаворонок», это уже выяснили... Как относитесь к своему возрасту? Поделитесь...**

— Весна — мокро. Зима — холодно, а тёплая зима — ещё хуже. Осень — чудо чудное, диво дивное, но всё убивают «отдалённые седой зимы угрозы». То есть, вы поняли: пока отвечал на вопрос, пришёл к мнению — да, это лето!

Любимый возраст? Давным-давно, год 1974-й, написал: «И Кирпиков понял, что наступило самое радостное время в его жизни — старость».

Любимое время суток? Тут только то, в которое работаешь и не ленишься молиться. В основном в любое время суток занимаюсь не тем, чем должен. «Не то делаю, что хочу, а чего не хочу, то делаю».

— **Быть гурманом в пище — это грех?**

— Я это слово и знать не знал. И к еде я клинически безразличен. Конечно, есть какие-то блюда, которые нравятся, это естественно. Но если их нет, не стенать же. Вот ответ батюшки на мой вопрос о посте. Спрашиваю: «Я в дороге буду, можно пост нарушить?» Он: «А что, разве там хлеба и воды не будет?»

У нас взвинчен интерес к материальной стороне жизни, в которой основное — еда. Это и для вытягивания денег из бедных и богатых, и для их отвлечения от духовной жизни. Дух Святой как же в нас войдёт, если мы переполнили себя пищей и питием? Честно говоря, переедание и у меня бывает. Вот уха понравилась, отчего бы и вторую тарелку не попросить? Но уха бывает так редко, что не грешно и покушать. Тем более с годами стал равнодушен к мясным продуктам. Рыба, творог — дело другое. *Организм наш нас и умнее, но и коварнее. Умнее — диктует тягу к чему-то нужному для жизни, а коварнее — не знает меры в том, что ему понравится. Уже понимаешь, что наелся, а рука ещё тянется. Вот бы научиться себя обрывать в этом порыве к сытости.* Идёт пост, употребляю постные блюда, но и ими можно не только на-сыщаться, но пре-сыщаться. Так что я грешу в пище, но хотя бы не гурманствую. Гурманство всё-таки не чревоугодие, ни тем более не гортанобесие, то есть всё же не обжорство. А сколько чудных страниц классики посвящено еде. Гаргантюа, Пантагрюэль, Пётр Петрович Петух, два щедринских генерала... и рядом герои Шаламова, Солженицына, Белова, Астафьева, Распутина... «Мамка, ись хочется». Незабываемый рассказ из

«Последнего поклона» «Уха на Боганиде», всё о еде. Но еда как средство prolongation жизни и только. Едим, чтобы жить, а не живём, чтобы есть.

«Я ПОМНЮ ДЕНЬ ПОБЕДЫ!..»

— **Вы говорили, что любимый ваш праздник 9 Мая. Какие чувства, воспоминания, думы у вас в святой день Победы?**

— Вы знаете, это очень серьёзно. Серьёзно в том смысле, что мы видим: Россия стоит поперёк горла Западу, Америке. Ещё бы — мы не принимаем их навязываемого нам образа жизни. Какой это они несут мировой порядок, когда извращают установленный от Бога порядок жизни?

Девятое Мая — это символ Победы! А нам нужно ощущение Победы. И марш Безсмертного полка — это не пропагандистская акция, а единый порыв — отдать поклон тем, кто свершил подвиг спасения России.

Немного, конечно, но всё же я помню 9 мая 1945 года. Мне было четыре года. Но общее ощущение осталось. Слезы радости, причитания и песни — всё слилось тогда в этот день. Выносили из домов столы, добывали из подполий у кого что было, какая еда, все остатки, несли на общее застолье.

И главное помню — это уверенность, что, победив фашизм, мы навсегда убили войну, что наступил мир во всём мире. Что люди наконец-то что-то поняли... Но нет. Много спасла война нашей пролитой кровью — вернулась Церковь, ожила патристическая литература... Но многим надеждам того времени сбыться не было суждено...

А потому что не научились по-настоящему благодарить Бога. Ведь и Победа — от Него. Хотя вот это всенародное счастье единения сердец, которое мы испытываем в День Победы, оно очень утешает и не даёт унывать.

«БУДЬ САМ ХОРОШ, ВСЕ ХОРОШИМИ БУДУТ»

— **Какой самый памятный подарок вы получили в жизни?**

— Как-то меня не коснулось увлечение оригинальничаньем: в одежде, подарках. Меня окружали нормальные люди, дарившие вещи, для жизни необходимые. Дорогих подарков не было (по денежному эквиваленту), но дорогих по сердечности (шарф, редкая книга, пачка писчей бумаги...) было много. Очень помнятся подарки по тому, *кто* их дарил. Писатель Василий Белов всегда привозил в подарок чай, храбрю до сих пор его нарядные жестяные шкатулки для чая, писатель Валентин Распутин дарил авторучки, даже рубашки со своего плеча. Последняя от него рубашка совершенно новёхонькая, она предназначалась для него, её везли ему из Омска ко дню рождения, за несколько минут до которого он ушёл из земной жизни. И мне её отдали. А ещё от него нефритовый нож. Подарил на берегу Байкала у памятника на месте гибели друга своей писательской юности драматурга Александра Вампилова.

Главные подарки, конечно, от жены. Уж кто-кто, жена знает, что мне идёт, что не идёт, что мне надо, что не надо.

...Отвечаю на вопрос, поднял глаза: да вот же они, главные самые подарки — это иконы и картины.

— **А кто вам дал самый ценный совет?**

— Не совет даже, советы. Как поступать в жизненных ситуациях. Это мама. «Смеются над тобой? А ты ещё громче смейся», «С дураками не связывайся, плюнь да отойди». И ещё. О лестях: «В глаза хвалят дураков, а кто ругает тебя, тому поклонись».

О милостыне: «Лучше всего потайно помогай, Бог увидит». И ещё: «Ноги береги, с ног простывают», «В постели не залёживайся, не растягивайся. Проснулся — сразу вставай». И вообще материнский голос всегда во мне звучит. Вот её совет на преодоление всех обид и несправедливостей, обращённый к обидчикам: «Дай Бог вам здоровья, а нам терпения». «Будь сам хорошо, все хорошими будут».

И отец, и мама настолько со мною всю жизнь, что я даже и не задумывался, чему они меня научили. Это великая милость Божья ко мне, что они такие: красивые, добрые, любящие, никогда ни за что не наказывающие. Меня после первых книг и публикаций хвалили за язык. А я всё думал, какой такой язык? Но это было великое сокровище, которым владели православные рабы Божии Николай и Варвара. Живу и говорю, как они. И пишу, как говорю.

Отец... А ведь, по сути, я полное его продолжение. Он не охотник, не рыбак, и я ни к чему такому вот сугубо мужскому не пристал. Он научил главному — жизненному поведению. Я уходил в армию, он сказал на прощание два завета, оба очень жизненные. «От службы не бегай, на службу не напрашивайся». И: «Вперёд не суйся, сзади не оставайся». Так и живу. Он никогда не гнался за деньгами, был до изумления неприхотлив. Честен до последней копейки. В одежде был скромен. Очень радовался, когда мы, его сыновья, дарили ему свои рубашки. Много, своим единственным глазом, читал. Знал наизусть русскую поэтическую классику. За всех нас переживал, хотя иногда не знал, кто в какой класс перешёл. Очень ответственно подписывал дневники за неделю. И за мои тройки и пары никогда не ругал. «Это, Владимир, надо подтянуть», — только и всего.

Уже я и членом Союза писателей стал, а всё был для него ребёнком. Сижу за пишущей машинкой, он переживает: «Владимир, не перетруждайся». Письма писал всегда бодрые, весёлые. Всегда читал газеты, всегда переживал за события в стране и в мире. О любви к нему написал я рассказ «Отец, я ещё здесь».

— **Какой у вас был в жизни самый необдуманый, дерзкий поступок?**

— Думаю, это самовольная отлучка из нашей воинской части Московского округа. Я дружил с девушкой, у нас была пылкая юношеская влюблённость. Она — студентка в Иваново. Переписка у нас была ежедневная, письма летели к ней и от неё ласточками. И вдруг всё оборвалось. Пишу — молчание в ответ. Весь извёлся. И вот — а это было на грани уже безумия — рванул к ней в самоволку. Как меня не засекали патрули, как я сел в поезд, приехал в другой город, пробыл день, уехал обратно, вернулся в часть, как?..

— **На что вам так и не хватило смелости?**

— Бросить всё и уйти в монастырь.

